Мужчина волочил ноги по грязной дорожке к своему дому.

Он был одет в рваную старую одежду, в одной руке держал грубо сделанный лук, а в другой - несколько стрел ручной работы.

Этот человек, Филипп, не хромал, а просто не имел никакого желания идти домой. Увидеть свою любящую жену и семью.

(Неужели им снова придётся ложиться спать голодными?)

Эта мысль была всем, что занимало его ум.

Но когда он приблизился к своему дому, запах еды достиг его ноздрей. Запах мяса навёл его на мысль, что, может быть, кому-то из соседей сегодня повезло и они празднуют победу. Он был счастлив за них, но это ничего не дало бы его семье, если бы они не получили большую добычу. Если это был всего лишь кролик, то, вероятно, его было недостаточно, чтобы поделиться с ними.

Ноги Филиппа стали ещё тяжелее. Если запах достигнет его дома, то именно его семья будет пытаться сдержать свой голод, представляя, что едят соседи.

Но сколько бы он ни шёл, сколько бы ни проходил мимо соседних домов, сколько бы ни приближался к своему дому, запахи не ослабевали. Вместо этого они становились всё сильнее.

Но это было невозможно.

Нет, может быть, так оно и было, но ему было трудно надеяться на лучшее после многих лет голода, обрушившегося на бедную деревню, и после того, как большая часть дикой дичи в соседнем лесу была сьедена.

Люди уходили всё глубже и глубже в лес в поисках пищи и животных для охоты, но рассказы о пропавших людях или людях, едва спасающихся от сильных монстров, становились всё более распространёнными. Местная Гильдия авантюристов делала всё возможное, чтобы привезти в деревню как можно больше мяса и продать его по дешёвке, так же как монетный двор и его магазин покупали всё, что можно, у жителей деревни, чтобы продать в соседнем Линсингтоне, а затем привезти обратно продукты, которые они собирали в более успешных фермерских деревнях.

Но что бы они ни делали, этого было недостаточно.

Из года в год урожаи ухудшались с пугающей скоростью. Пшеница не очень хорошо росла в этом районе по какой-то причине. Несмотря на это, другие растения росли в почве, как будто низкая плодородность была ложью.

В частности, было легко выращивать молочай, и они могли продавать нити и ткани, сделанные из молочая, но они не продавались в городе за дорого. Этого едва хватало на пропитание, чтобы пополнить их скудные урожаи пшеницы и лесную охоту. Но поскольку посевы пшеницы всё больше и больше падали, они были вынуждены полагаться на охоту, чтобы избежать голода. А это, в свою очередь, означало, что на следующий год и ещё через год животных будет всё меньше и меньше.

За последние несколько лет редко удавалось найти что-нибудь, на что можно было бы поохотиться, не углубляясь в лес, но мало кто возвращался назад.

Филип мысленно вернулся к зиме, прошедшей больше года назад. После подсчёта всех запасов стало ясно, что им не хватит еды на всю зиму. Если бы он попытался накормить всю свою семью, то им, возможно, пришлось бы голодать целый месяц, прежде чем снег растаял бы и они смогли бы найти в лесу любые семена и съедобные растения.

Никто в его семье не проживёт и месяца без еды, поэтому вместе со своей женой Хильдой он сделал трудный выбор - пожертвовал одним из своих детей в надежде, что остальные выживут.

По правде говоря, он хотел пожертвовать собой ради всех своих детей, но это в конечном счёте погубило бы их. Когда останется только один сильный взрослый, не будет никого, кто мог бы рисковать в надежде принести добычу из леса или собрать семена и грибы там, где могут появиться более слабые монстры.

Но опять же, подумал он, сегодня ему не удалось сделать ни того, ни другого. Даже рыскать по лесной подстилке в поисках хоть какой-то добычи становилось всё труднее и труднее.

И дело было не только в нём. Всё реже и реже кому-нибудь в деревне удавалось получить что-нибудь из леса.

Поэтому он и его жена решили, что ради общего блага им нужно кормить одним ртом меньше. Первый ребенок Филиппа родился с затуманенными глазами. Деревенский староста сказал, что она никогда не узнает света за всю свою жизнь. В тот день, когда он узнал об этом, Филипп и Хильда проплакали весь день, плача.

Из-за её мутных глаз она не могла ничего сделать самостоятельно, и в результате её тело стало слабым. Даже когда она была достаточно взрослой, чтобы работать, ей требовалось дополнительное время и обучение, чтобы научиться чему-нибудь, поскольку она не могла видеть, чтобы учиться на собственном примере. Даже когда она научилась делать работу, она не могла делать её долго, так как её тело было слабо.

Ещё хуже было то, что она не могла выполнить ни одной тяжелой работы, необходимой для повышения своего уровня. Без глаз она не могла убивать мелких животных и вредителей, а также безопасно выполнять любую реальную работу. Она даже не могла играть с другими детьми, чтобы медленно набирать опыт.

Его дочь была единственной, о ком он слышал, что она всё ещё находится на первом уровне после шести зим. Большинство детей достигали своего второго уровня к тому времени, когда им было три года, а к четырём крайне редко кто из детей не достигал второго уровня. Любой нормальный ребёнок должен был бы уже достичь третьего уровня к тому времени, когда он увидел свою шестую зиму.

Все её младшие братья и сестры поступали именно так, и она была его единственным ребёнком, который всё ещё находился на первом уровне, а младший достиг второго уровня в начале этого года.

Что же касается того, кем пожертвовать, то выбор был очевиден. И он, и Хильда знали, кем именно, даже не спрашивая. Большинство семей выбрали бы своих младших детей, так как они были наиболее уязвимы к болезням. Но для них младшие уже могли сделать больше работы, чем старшая.

Вместе с женой Филипп сказал своим детям, что они собираются собирать еду в лесу глубже, чем обычно, и каждый должен помочь им, чтобы они могли принести как можно больше еды.

Впервые за всё время, что он себя помнил, Филипп увидел, как глаза её старшей возбуждённо блестят. Мысль о том, что она может быть по-настоящему полезной, впервые в жизни сделала её счастливой, и мысль о судьбе, которую он собирался ей уготовить, поколебала его решимость. Если бы Хильда не положила руку ему на плечо и не покачала головой, его воля могла бы сломаться прямо сейчас.

Филип нёс свою дочь на спине, чтобы они могли поспешить и потратить как можно больше времени на сбор всего, что могли.

По мере того как деревья становились всё больше и больше, узел в его животе становился всё холоднее и плотнее, но мысль о том, что его семья умрёт от голода даже с тем, что им удалось привезти обратно, подстёгивала его.

Словно для дополнительного ободрения, он заметил сломанный череп ребёнка, лежащего рядом с одним деревом.

Это зрелище напомнило ему, что некоторые люди, пропавшие без вести в последние годы, были детьми. Филиппу было легко понять судьбу исчезнувших взрослых, но то, что пропадали маленькие дети, которым обычно не было и четырёх лет, всегда приводило его в замешательство. Подумать только, что он был не единственным, кто был обременён грехом, который он собирался совершить.

С доказательством того, что его семья была не единственной, кто так сильно страдал, сама эта мысль укрепила его решимость.

И вот, он оставил свою старшую из двух дочерей глубоко в лесу, сказав ей, что вернётся с

корзиной, полной лесных щедрот, чтобы она отнесла её домой.

Однако он подумал, что печальное выражение, которое она сделала, когда он повернулся спиной к своему собственному ребёнку, если это было сделано, зная, что именно он делает. Если бы она с самого начала знала, какова её судьба, и желание пришло вместе с этим знанием?

Филипп покачал головой. Такие вопросы не имели значения. Он никогда больше не увидит улыбки своей первой дочери.

С такими воспоминаниями, прочно засевшими в глубине его сознания, мужчина сосредоточился на возвращении домой. Мучимый запахами ужина, когда его пустой желудок урчал, ещё один день прошёл с едой, предназначенной для него, вместо этого отданной одному из его детей. Для Филиппа это было наказанием за то, что он бросил одного из своих детей. Его долг был убедиться, что те, кто выжил, будут продолжать выживать, даже если ему придётся проводить большую часть времени, не имея во рту ничего, кроме холодной воды и грубой древесной коры, когда он будет обманывать свой живот.

Но, к его удивлению, запах еды становился всё сильнее по мере приближения к дому. Не просто еды, а насыщенный аромат варёного мяса.

Наконец, после столь долгого голодания он убедился, что у него начались галлюцинации. Его неудача как отца означала, что Бог решил наконец наказать его этой галлюцинацией, более реальной, чем суровая реальность, в которой он жил до сих пор.

С тяжёлым сердцем он открыл дверь своего дома.

— Папа! Это же папа!

— Папа! Добро пожаловать домой!

— Смотри, Папа! Это же еда!

— Добро пожаловать домой, дорогой.

Прежде чем он успел сделать второй шаг в свой дом, Филип был атакован тремя детьми, которые взволнованно втащили его внутрь, чтобы показать ему обеденный стол.

Там, вопреки здравому смыслу, стояли тарелки с фруктами. Чуть в стороне на кухне стояла кастрюля, до краёв наполненная мясом и овощами.

— Неужели, это... у меня галлюцинации?

На шокированный вопрос Филиппа ответила Хильда:

— Поначалу я тоже так думала, но это так.

— Как...

— Я не совсем уверена, но ты помнишь это?

Хильда вытащила из сумки какие-то тряпки. Оно было похоже на потёртый мешок с прорезанными в нём дырками. Но Филип понял, что это было на самом деле.

— Это платье? А? Разве это не?..

Он не решался сказать об этом, но его сердце уже решило, что это факт.

— Оно выглядит точно так же, как платье, которое носила Алисия, единственное, что у неё было..

Но Хильда закончила его мысль, подтвердив, что она тоже так думает.

— И...

Странная надежда начала зарождаться в душе Филиппа, но он не был настолько оптимистичен, чтобы позволить ей разгуляться.

— Я нашла вот это.

Но, словно пытаясь сломить его здравый смысл, Хильда показала ему каменную табличку с гравировкой на одной стороне.

— Спасибо, что позаботились о ней, пока мы не смогли встретиться...

— Она не умерла в тот день. Мало того, кто-то нашел её и забрал к себе!

— Тогда где же она? А ты её видела? - голос Филиппа взволнованно повысился, но отсутствие немедленного ответа Хильды быстро заглушило его восторг.

— А я и не знаю. Всё это вместе с большим количеством еды было оставлено перед домом. Я даже не видела, кто её оставил.

— Зато…

Альтернативная возможность начала всплывать на поверхность, но как ни старался Филип проглотить её, она отказывалась тонуть.

— Может быть, она просто не хотела нас видеть. Нет, скорее всего, так оно и есть. Зачем ей смотреть на лица родителей, которые бросили её?

— Может быть, но тогда зачем ей оставлять такие подарки?

Если это было правдой, то сам вид этих подарков шёл вразрез с тем, что их дочь, вероятно, чувствовала к своим родителям.

— Не знаю, но, может быть, это не она так решила.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда я вернулась после того, как разделила еду с соседями, Рассел подошёл и предложил мне поесть. Очевидно, кто-то пришёл в Гильдию и продал достаточно мяса, чтобы прокормить всю деревню, поэтому он пришёл, чтобы обменять часть его, чтобы мы могли поесть. Он был очень удивлён, когда узнал, что кто-то оставил так много еды у наших дверей.

— Кто-то сделал что-то подобное?

Филипп был поражён. Учитывая, как трудно было охотиться в последнее время, кто бы это ни был, он должен был быть достаточно силён, чтобы охотиться в более глубоких частях леса. Не было никакой причины для такого человека продавать еду в таком месте, как это, которое не могло позволить себе дать хорошие цены.

— И не только это, но, по-видимому, она потратила большую часть денег, заработанных от продажи мяса, чтобы купить вещи в монетном дворе.

— Что… как вообще может существовать такой хороший человек?

— Не знаю, но Рассел сказал, что её зовут Скарлет.

— Как в сказках?

— Она сказала, что её назвали в честь неё самой.

— Она больше похоже на того человека

— Я тоже так думаю. Может быть, в отличие от историй, она пережила этого проклятого Героя?

— А может быть, Бог дал ей второй шанс после того, как её жизнь оборвалась?

— Если кто-то и заслужил такое, так это она?

— Я тоже так думаю. Мы действительно живём в благословенном веке если бы Скарлет вернулась.

— Папа! Мама! Мы же голодные!

— Вот именно! Я хочу кушать!

— Еда! Еда!

— Ладно, всё, успокойтесь. Мы начнём есть.

— Ура!

— А-а, она ушла.

Бах!

— Эй, какого чёрта?!

Молодой человек из племени кошачьих зверолюдей, Аарон, оттянул свои треугольные уши назад, когда он держал шишку, образующуюся на его голове.

— Это ты виноват, что она сбежала!

— Хааа? Как же это я виноват?!

— А что насчёт того, что ты продолжаешь приставать ко всем с сиськами?

— Ах, но у неё действительно были большие сиськи…

— Ааа! Вот почему она убежала!

Молодая женщина, Мэри, в отчаянии обхватила голову обеими руками.

— Эй, может быть, у неё действительно были какие-то дела, которыми она должна была заняться?

— В середине ночи?!

— Вот именно! Во всяком случае, мы должны были предложить ей место для отдыха!

— Ты просто хотел переспать с ней!

— А что в этом плохого?

— Всё это плохо!

— Эй, прекратите уже!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

http://tl.rulate.ru/book/27128/716833